

*А фотографии будем посылать
в журнал «Наука и жизнь».*

Простоквашино

1

Света не любила рынков. Да и не Света она уже была, а Светлана, а то и Светлана Юрьевна – учительница музыки, не потерявшая веру в свое ремесло несмотря ни на что. Но было лето, и больно уж хотелось клубники, потому решила сделать небольшой крючок, пренебречь более спокойной улицей возле своего дома и отправиться вдоль торговых рядов, вдоль гор абрикосов,

слив, фиников, мимо попрошаек и исполнителей афганской лирики. Светлана, даром, что строгий преподаватель, считала, что люди, музицирующие ради небольших денег на улицах ее родного города, не портят, а напротив, украшают его, и если сейчас поют они не очень хорошо, то это дело поправимое. «Например, – думала она педантично, раскапывая в глубинах памяти что-нибудь про экономику, – если все начнут подавать деньги музыкантам, то возникнет конкуренция, и останутся на улицах только самые лучшие, и будет мило, привлекательно для туристов (кстати, вот тебе даже экономическая выгода). Будут красивые шляпы, скрипки, гитары, саксофоны, любовь, а я – в таких замшевых туфлях...» – но это уже было из той области, о которой Светлана Юрьевна себе думать запрещала – слишком больно было. Но музыкантам она обычно подавала, веря, что каждый ее пятак, брошенный в шапку, приближает наступление Парижа среди холодности сибирских улиц.

Бросила несколько монет мужичку плешивой и похмельной внешности, который неплохо играл на аккордеоне, вплетая в известный народный мотив собственные неожиданные и красивые переливы.

– Спасибо, барышня!

«Лесть и фальшь, а приятно! Ничего, не умру, если улыбнусь ему!»

– Вам спасибо!

– Ой, постойте, постойте! Барышня! Вы кем работаете?

– Хм. Преподавателем музыки.

– Ой, вот удача! Мы с вами почти коллеги! Только я не преподаю... Я продаю! Вот так-то! Знаете, что продаю? Душу! Ну и еще некоторые вещи подешевле! Купите фотоаппарат, недорого!

– Нет, что вы, нет... – говорила она, но уже знала, что попалась. Слишком уж надолго задержалась. Слишком тепло улыбнулась, клюнув, дурочка, на «барышню». Теперь или убегать, не оглядываясь, неся тяжелый осадок в душе оттого, что на улыбки-то все способны, а вот реально помочь, не пожалеть денег – это никто не может. Или остаться и попытаться как-то выкрутиться. Или покупать.

Не выкрутилась. Шла под зелеными трепыхающимися ветками неведомых городских деревьев, старательно убеждая себя, что фотоаппарат – вещь неплохая. И черт с ней – с клубникой! Зато сможет теперь фотографировать дочку, и еще можно будет сажать иногда учениц за рояль и снимать их, а потом дарить им фотографии – будут ее долго помнить, навещать... Доставала из сумки, крутила в руках дешевенькую «мыльницу», стараясь не проводить аналогий. А аналогии так и напрашивались. Ведь так у нее вся жизнь и выстраивалась: вечно она шла у кого-то на поводу, принимала навязанные решения, делала вид, что ей все это на пользу, сама начинала в это верить.

Она постоянно чувствовала себя героиней кино, которая безупречно следует сценарию. Сейчас героиня – молодая еще женщина, идет по цвету-

шему городу в немного старомодном, но славном легком платье, смотрит на фотоаппарат, который купила из милосердия. В следующей сцене она уже хорошо научится делать фотографии, и ее какие-то незнакомые пока и замечательные друзья будут восхищаться снимками, а она со смехом расскажет им историю о том, как ее чудесное увлечение началось с разговора на рынке, с подержанной «мыльницы». Но Света знала, что сценарий будет совсем не такой, потому что ее жизнь – тягостное перестроечное кино, у которого нет ни начала, ни конца, ни красивых сцен. Был только один раз, когда она отступила от написанного, пошла всем наперекор, выстрадала по-настоящему и ни капли не пожалела. Когда все были против, приводились сотни доводов, не считая молчаливого осуждения, были даже ссоры и слезы, она никого не послушалась и родила дочь. Теперь, кроме дочери, никого из участников тех неприятных эпизодов ее жизненной ленты рядом уже не осталось, и хотя все они когда-то казались бесценно нужными, самыми близкими, только маленькая Лиза сейчас делала ее жизнь немного счастливее. И даже несмотря на то, что уже не было назойливых «желаю тебе добра», «ты меня еще вспомнишь, когда наплачешься», «поживи с мое», постоянное навязывание продолжалось. Даже желание съесть немного клубники слабый характер превращал в обладание ненужным и, возможно, даже нерабочим фотоаппаратом.

Но когда-нибудь софиты погасят, с нее смоят грим и разрешат сменить строгую одежду учительницы на удобный и простой наряд, и начнется, наконец-то, настоящая, только ее жизнь. Она в это верила.

2

– Привет, арфа.

Старый друг Володя, который всегда был некрасив, неказист и молчалив, а года три назад вдруг похорошел и женился, зашел вернуть книжку и взять новую. Он всегда говорил что-нибудь такое: «Здравствуйте, орган!» или «Отворяй-ка, балалайка!». Хуже всего было «Хайль, альт!»

*

– Так ты его купила?! Знаешь, на таких, как ты, мир держится. Из-за таких, как ты, у таких, как ты, всегда будет работа. И всегда будет нищета. Ну, давай, показывай!

*

– Света. Сколько заплатила? Продай.

*

– Да один в один! Месяца два назад ей подарил, у нее как раз недалеко от рынка где-то украли! Он, скорее всего, и спер, а тебе перепродал! У нее вот тут, правда, наклейка была кругленькая, я с работы приносил, а она лягнула на фотоаппарат, а здесь ее нету. Ну, может, твой виртуоз и оторвал, чтоб примет не было. Я деньги верну, не переживай, просто очень уж жалко

было, когда украли – даже толком пофотографировать не успела. Слушай, я даже тебе его попользоваться дам – скажу, что коллега просит, что ему для работы надо! Ну ладно, ладно, знаю, что не стоит ей врать. Спасибо, Свет, ты – чудо просто.

Ушел, обещал вечером забежать, принести наклейку, чтобы потом порадовать жену чудесным обретением фотоаппарата. Света сидела на кухне и даже не пыталась понять, отчего люди – такие странные существа. Ведь уже и не жалко, что не поела клубники. Уже даже не жалко себя, купившую на последние деньги ненужную вещь. Просто жалко отдавать эту мечту – о друзьях, восхищающихся ее искусством, о навещающих учениках, о снимках дочки на стенах в красивых рамках. Спасает только мысль, что Володя будет рад радостью жены, и что ради него...

3

Кто-то позвонил в дверь.

– Здравствуйте! Извините нас, пожалуйста, мы квартиру собираемся покупать этажом выше, думаем пока, а вы не пустите нас посмотреть, как у вас мебель стоит, и как ванна устроена? А то там у них как-то неудобно все, вот думаем сравнить с другими квартирами той же планировки... Вы извините, если помешали, просто такое решение принимать... Да нет, мы разумеся, что вы, у вас очень чистый пол!

Когда они ушли, Свету вновь обступили тишина и одиночество. Призрак чужих важных решений маячил перед глазами, питаюсь завистью и печалью.

4

Каждое возвращение Лизы из школы маму будоражило. Хотелось как-то по-особому встретить ее, но не наигранно, а будто между делом. Словно не было какой-то особой подготовки и полусознательных размышлений: что лучше сказать, чем рассмешить с порога, чем восхитить в рассказе о своем сегодняшнем рабочем дне, над чем совместно поразмышлять, чем вызвать нежность...

Но сегодня все планы полетели в тартарары. Дочка принесла из школы крысу. Маленького смешного крысенка в маленькой деревянной клетке с проволочными прутьями.

– Мама, только не ругайся.

– Что случилось?

– Обещай не ругаться.

И уже собирается плакать.

– Хорошо, я не буду ругаться, но, если ты сделала что-то плохое, мы сядем, и будем обсуждать это до тех пор, пока не решим, как можно дело исправить. Исправлять, конечно, придется тебе – ведь дело твое. Но я помогу

тебе советами.

Светлану Юрьевну плохие оценки нисколько не злили и не огорчали, но это казалось ей странным, потому она старалась скрывать свое отношение. Настроившись на разговор об оценках, она приняла вид участливой жалости с тенью недовольства, но гримаса тут же съехала с лица, оставив только недоумение.

– Лиза, это кто?

– Крыса. У одноклассника их родилось девять штук, его папа их топить собрался, вот он и принес в школу нескольких, чтобы спасти. Это же ужасно! Я считаю, что Леше надо будет через два года уйти из дома – нельзя жить с таким папой. Сейчас, конечно, его на улице поймают и вернут домой, но если копить деньги два года, то можно будет куда-нибудь далеко уехать и работать, разносить газеты, например, выгуливать собак, сидеть за деньги с маленькими детьми, накопить на свой дом. Придется, правда, очень мало есть, но это же возможно...

– Лиза, стой! Ребенку нельзя убегать из дома! Никто в нашей стране в наше время не возьмет школьника на работу на почту или сиделкой с детьми! Тебе надо поменьше читать старых книжек. А теперь смотри: топят обычно детенышей совсем маленькими, а у этой крысы уже глаза открылись. Она уже подросток. Наверное, ее и не собирались топить!

– Нет, собирались! Лешин папа специально ждал, чтобы они подросли!

– Что ты сочиняешь? Зачем он мог этого ждать?

– Не знаю! Если ты мне не веришь, то ладно, но это так!!!

– Я не знаю, собиралась ли ты меня обмануть, чтобы оставить эту крысу, или тебя обманул твой одноклассник, чтобы ты ее взяла, но я уверена – топить ее не собирались. Завтра отнесешь обратно.

– Мам, ну пожа-а-алуйста!

– Ну как мы будем ее держать? Нам с тобой скоро ехать в лагерь, я там буду работать целыми днями, а ты – купаться, загорать, играть в волейбол. Кто будет за крысой смотреть? Нам даже не разрешат ее взять с собой.

– Ну, мама-а-а! Я могу не ехать в лагерь – поживу одна. Один раз можно и без него прожить!

– Лиза. Ну почему ты такая жестокая? Одну я тебя не оставляю. Ты думаешь, мне нравится ездить в этот лагерь и заниматься пением с детьми целыми днями? Как ты можешь быть такой неблагодарной? Я же работаю летом, чтобы можно было тебе купить новые красивые вещи на учебный год, подарить тебе хороший подарок на день рождения.

Света уже сама плакала от жалости к себе, от полной невозможности выйти из той колеи, в которую она попала, от одиночества и тоски. Она понимала, что несет полную чепуху, почти слово в слово совпадающую с тем, что говорила когда-то ее мама, но отступить было некуда. Слезы так и

бежали, потому ушла на кухню. Встала у окна. Стала бездумно представлять себе крысу, которая живет в их маленькой квартире.

Маленькие ручки обняли сзади. Лиза уткнулась лицом в спину матери и тоже всхлипывала.

– Прости меня, мама, прости, пожалуйста. Просто было очень жалко, что утопят...

– Ничего. Что-нибудь придумаем.

5

«Ну что за день. Столько переживаний, а с другой стороны – столько впечатлений, и даже не с кем поделиться: ни любви, ни друзей, а Лизу просто нужно держать подальше от всего этого, пусть растет нормальным ребенком. Сейчас бы кто-нибудь просто взял и написал небольшой рассказ об этом моем дне, об одном дне – иногда скупыми выражениями, иногда – длинными предложениями с чередой описаний. Чтоб я в этом рассказе была похудее и потрагичнее, чтоб это был просто кусок из жизни, который заставлял задуматься. Начать его можно было бы со слов «Она была простой учительницей музыки и целыми днями слушала гаммы и пьески, но в душе ее постоянно звучали сонаты и оратории...» Да нет, к черту! Начало должно быть обыденным. Вот, например: «Света не любила рынков...» – это было бы в самый раз... Опять звонят в дверь. Ну что за день?»

– Ой, Светлана Юрьевна, здравствуйте! Лизоньки дома нет? На танцы ушла? Ну, хорошо! Вы представляете, у нас сегодня мошенники по квартирам ходили! Говорили, что надо посмотреть планировку... И у вас были?! Так это ж воруяги были! Вон, у Славиных унесли золотую цепочку, у Кати – смешно сказать – бутылочку коньяка взяли! Я вот хожу по квартирам, узнаю, у кого они побывали, милицию будем вызывать, да кошмар, до чего ушлый народ пошел, вообще никому дверь нельзя открывать, ужас просто какой-то, надо внизу железную дверь поставить, как в соседнем подъезде, кошмар, ну времена настали, вот в молодости у меня, дверь на цепочку запирали – никто не зайдет, все оставляли, ничего не боялись. А у вас-то что пропало? Так вы посмотрите скорее, чтоб в протокол занесли, глядите внимательно! Фотоаппарат? Это ж надо, ну до чего наглые, гады просто, а она еще приличная такая, даже не подумаешь, хотя я-то сразу что-то не то в них заметила, на лестнице их встретила, когда домой шла – он еще на меня так посмотрел странно, я тогда еще подумала: что-то тут не так. Ну, надо же, фотоаппарат, поди диких денег стоит! Ладно, пойду дальше узнавать, кошмар, кошмар, будем деньги собирать на железную дверь...

6

Стояла спиной к стене, к нему – профилем. Смотрела в потолок, го-

лова плыла. «Вот она – твоя жизнь, все за тебя решается, ни на что повлиять нельзя». В ногах была слабость, в душе – пустота и приятная печаль.

– Володя, нет его. Украл у меня его сегодня. День просто какой-то невероятный.

– Украл?

– Ага. Сперли прямо из-под носа. Пришли якобы квартиру посмотреть, сказали, что думают купить этажом выше, интересовались, как стоит мебель и все такое. Потом оказалось – воры, у нас в подъезде так несколько квартир обошли. Они, видимо, брали у всех что-то одно, чтобы в карман или в сумку поместилось. У соседей, например, только цепочка золотая пропала, коньяк даже у Катерины стащили, цирк просто.

– Сволочи, расстреливал бы!

– Да ладно тебе, Володя! Ты только подумай – до чего изобретательные, с творческим подходом люди! У меня вот только смех вызывают такие ситуации.

– Да я уже так настроился, что сегодня ей принесу аппарат, придумаю какую-нибудь невероятную историю его возвращения, она бы поверила, это точно... Ну, сволочи, а? Поставьте вы уже железную дверь – вон в соседнем подъезде же есть...

– Могу вместо фотоаппарата предложить крысу. Зовут Альт. Лиза притащила из школы, а нам в лагерь же скоро...

– Вот вечно зайдешь к тебе и попадаешь в какую-нибудь историю. Света, о тебе надо рассказы писать! И ставить потом по ним спектакли в театре абсурда. Тащи крысу, посмотрю хоть.

*

– Альт, говоришь. Меня, конечно, дома порвут на много маленьких альтов, а потом заставят играть на них похоронный марш... Ладно, возьму. У меня в детстве были крысы – забавные они такие, сил нет! Дай мне хлеба кусочек – покормлю его! Ну, давай, счастливо! Железную дверь поставьте, недотепы!

Эпилог

А через день Лиза принесла нового крысенка, скоростижно спасенного от злого Лешиного папы. Заявила, что если мама не разрешит его оставить, Лиза уйдет из дома вместе с ним. И бросит танцы. И даже перестанет есть. Немного поспорили.

– Лиза, ты еще маленькая, а я – взрослая...

*

– ...ты даже за собой-то ухаживать не можешь, не то, что за крысой!

*

– У тебя блажь, а я потом буду за ней убирать.

*

После того, как услышала сама от себя «Наплачешься еще» целых два раза, решительно встала со стула и подошла к клетке.

– Но ухаживать за ним будешь сама.

– Буду, мама, буду!

– И кормить.

– Конечно, мам, спасибо большое! Ура, ура!!!

– Как же с лагерем-то быть?..

– Мам, да не переживай, отдадим на время дяде Володе, у него же один уже есть, им вдвоем весело будет!

– И то верно.

А крыса внимательно и весело смотрела на нее черными блестящими глазами и активно принюхивалась.

– А после лагеря купим фотоаппарат – их с рук иногда очень дешево продают, буду вас с крысой фотографировать...